

3837 К

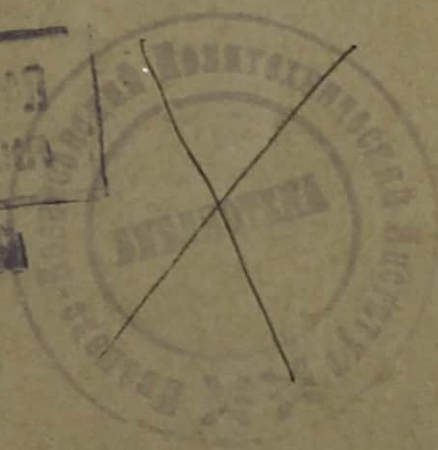
Н. КУЗНЕЦОВЪ.

МИМО ЖИЗНИ

РАЗСКАЗЪ.

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

САДЕЛ КРЪВЕВОЙ

□ □ ИЗДАНИЕ ИВАНОВО-ВОЗНЕ-
СЕНСКАГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
„СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ“ □ □ □ □
□ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ

1918.

941

94

--2010

Н. КУЗНЕЦОВЪ.

МИМО ЖИЗНИ

РАЗСКАЗЪ.

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

УЧЕДЪ КРАЕВОЙ

□ □ ИЗДАНИЕ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКАГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
„СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ“ □ □ □ □
□ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ

1918.

И. КЪЗНЕВЪ

МНОЖИЛИ

ВЪЗРАСТЪ

ИЗДАНИЕ ПЪРВОЕ
ПЪРВОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ ПЪРВОЕ

ИЗДАНИЕ ПЪРВОЕ

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ,
Типографія „Ив.-Вози. Издателскаго Т-ва“.

1918.

МИМО ЖИЗНИ.

Павловская Бол. Научн. Бюлл.

Отдел Краевой

M N M O M N M

Оренбургский край
Оренбургский край

Оренбургский край
Оренбургский край

МИМО ЖИЗНИ.

I.

Большая стрѣлка станціонныхъ часовъ нерѣшительно вздрогнула и перепрыгнула послѣднее дѣленіе. Въ залѣ загудѣлъ первый ударъ; потомъ второй, третій, четвертый...

Шесть ударовъ—шесть часовъ.

Маленькая узловая станція, мертвая и пустынная въ остальное время сутокъ, оживаетъ только вечеромъ. Начиная съ семи часовъ вечера и до двѣнадцати ночи къ ней съ разныхъ концовъ, и отъ Москвы, и отъ Нижняго и еще отъ какого-то поволжскаго города, прибѣгаютъ шумные, веселые поѣзда. Приходятъ, перебираются по грохочущимъ стрѣлкамъ на другую линію и, постоявъ минутъ пять передъ невзрачнымъ зданіемъ вокзала, мчатся дальше, за синѣющей позади дальняго семафора лѣсъ, за разсыпанные кучками дома, за полужаросшее городское кладбище.

Первымъ въ вокзальный залъ является станціонный сторожъ Степанъ. Войдя онъ долго глядитъ себѣ на валенки, облѣпленные снѣгомъ.

— Ишь—ты! А вѣдь какъ отчищаль... — басомъ ворчитъ онъ и, снявъ трепанья голицы, начинаетъ вы-

смаркиваться. Потомъ, скрипя снѣгомъ по каменному полу, подходитъ къ большой изъ голубого изразца печи и прикладываетъ мѣдно-красныя руки.

— Что, Степанъ, холодно? — выглядываетъ изъ телеграфной комнаты заспанный, скучающій телеграфистъ Изюмовъ.

— Страсть, Егоръ Василичъ! На градусникъ сорокъ было, какъ поглядѣлъ давеча...

— Ну, ужъ это врешь, братъ!

— Было-бы изъ какого антиресу! — хмурится Степанъ и идетъ за складной лѣстницей, чтобы зажечь лампы.

Черезъ полчаса откуда-то появляются четыре носильщика, двое грузчиковъ татаръ, кассиръ, буфетчикъ съ двумя барышнями—официантками, которыхъ онъ называетъ почему-то няньками. Послѣднимъ приходитъ кривой вѣсовщикъ Маркъ.

Мало по малу прїѣзжаютъ пассажиры и приходитъ молодежь изъ города, разъ навсегда избравшая мѣстомъ своихъ вечернихъ прогулокъ вокзалъ.

Дрянненькій и невзрачный снаружи, вокзалъ и внутри былъ не лучше. Сырыя, выкрашенныя зеленой масляной краской и завѣшанныя всевозможными объявленіями стѣны, низкій закоптѣлый потолокъ съ пятью черными расплывчатыми пятнами надъ лампами, два дивана съ казенными орлами, длинный, подъ грязной скатертью столъ посреди да книжный кіоскъ въ углу—вотъ и все убранство зала перваго и второго классовъ.

Въ третій классъ лучше не ходить. Находится онъ въ какомъ-то, казеннаго образца сараѣ, въ которомъ потолокъ настелютъ „этимъ лѣтомъ“, такъ что отъ длинныхъ и толстыхъ перекладинъ уродливыя тѣни падаютъ прямо на желѣзо крыши. Отапливается третій классъ маленькой желѣзной печкой и то, изъ боязни пожара, не больше двухъ разъ въ недѣлю.

— А за какимъ скесомъ топить-то?—недоумѣваетъ Степанъ.

— Ежели пассажировъ мало, такъ и дрова неча палить, а ежели много, то и безъ того жарко будетъ—надышуть.

И случалось обыкновенно такъ, какъ говорилъ Степанъ:—„надыхивали“ такъ, что задохнуться можно было и лампы едва горѣли.

Что касается багажной, то у мѣстныхъ сторожиковъ имѣется преданіе, что какъ-то жаркимъ лѣтомъ въ ней замерзъ вѣсовщикъ и съ той поры оставаться тамъ, особенно зимой, рѣдко кто рѣшается. Насколько вѣрно преданіе сказать трудно, но если судить по громаднымъ щелямъ и постояннымъ сквознякамъ въ этомъ помѣщеніи, то можно безошибочно предположить, что зимой тамъ бываетъ не теплѣе, чѣмъ на любой площади города.

Движеніе начавшееся въ вокзалѣ быстро передается наружу.

Громко визжа колесами по промерзлымъ рельсамъ начинаютъ двигаться товарные вагоны и тяжело дыша проползаютъ одинъ за другимъ громоздкіе паровозы. Сквозь двойныя рамы доносятся шипѣнье, стукъ и лязгъ цѣпей и буферовъ. Сцѣпляютъ и отводятъ на запасные пути товарные поѣзда.

Въ восьмомъ часу прибываетъ первый поѣздъ изъ Нижняго. Вокзалъ дрожитъ и кровавыми искорками начинаютъ просвѣчивать замерзшія окна. Стеклянные подвѣски никогда не зажигаемой лампы на столѣ звенятъ и раскачиваются въ тактъ киваніямъ листьевъ искусственныхъ пальмъ, стоящихъ тутъ-же на концахъ стола. Узкая дверь непрерывно хлопаетъ и залъ постепенно наполняется пассажирами, спѣшащими выпить по стакану чая и закусить черствыми недѣльными бетербродами.

Нездѣшній говоръ, шумъ и оживленіе не прекращаются въ продолженіи всего вечера.

Этотъ говоръ, начиная съ грубаго владимирскаго и кончая московскимъ на „а“ вносить пріятное разнообразіе въ скучные вечера горожанъ, являющихся на вокзалъ исключительно за тѣмъ, чтобы узнать, что дѣлается въ мірѣ Божьемъ.

Правда, въ книжномъ кіоскѣ получаютъ столичные газеты, но читаютъ ихъ здѣсь очень немногіе. И денегъ платить не хочется, да и газеты вчерашнія. Лучше послушать о чемъ говорятъ столичные люди.

Газеты получаютъ обыкновенно съ московскимъ девятичасовымъ поѣздомъ. Къ этому времени приходитъ на вокзалъ и барышня изъ кіоска—Елена Михайловна.

Придя она щуритъ свои близорукіе глаза на коптящія лампы и, освоившись понемногу съ освѣщеніемъ, отправляется въ дамскую комнату. Черезъ минуту она, уже въ легкой вязаной кофтѣ, сидитъ за низкимъ прилавкомъ и терпѣливо ждетъ, когда чумазый девятилѣтній Васька, ея добровольный и вѣрный помощникъ принесетъ изъ буфета стаканъ чаю и откроетъ дверцы шкафа.

Васька приходитъ и снимаетъ дверцы на полъ. Въ награду за это онъ каждый разъ получаетъ три копейки и пять газетъ для продажи на платформѣ. Отъ каждой газеты онъ наживаетъ по копейкѣ и считаетъ по этому продажу газетъ неисчерпаемымъ источникомъ дохода.

Елена Михайловна, скромная, тихая, гладко-причесанная шатенка была еще восемнадцатилѣтней дѣвушкой, но, почему-то, среди вокзальныхъ служащихъ была известна больше подъ именемъ „старой барышни“.

Старой барышней впервые назвалъ ее Васька.

Что дало поводъ ему такъ наименовать Елену Михайловну—неизвѣстно. Всего скорѣе ея манера мор-

шить лобъ, когда читаетъ или надъ чѣмъ нибудь глубоко задумывается.

Разложивъ книги на прилавкѣ, она беретъ недочитанную наканунѣ книгу и погружается въ чтеніе. Читаетъ долго и сосредоточенно, чѣмъ иногда пользуется Васька, чтобы стащить лишнюю газету.

На вокзалъ Елена Михайловна является аккуратно каждый день, не исключая и праздниковъ, причѣмъ, приходитъ всегда въ одно и то-же время—въ 9 часовъ вечера.

Приходитъ и терпѣливо сидитъ до самаго послѣдняго поѣзда читая и не сходя съ мѣста.

Знакомыхъ въ городѣ у нея почти не было, даже не смотря на то, что знали ее, какъ это водится въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ, всѣ, какъ, впрочемъ, и она всѣхъ.

Изъ всѣхъ горожанъ, не служившихъ на станціи она была знакома только съ однимъ мрачнымъ и угрюмымъ гимназистомъ Метлинымъ. Знакомство было давнишнее, но очень странное и какое-то неопредѣленное.

Дѣло въ томъ, что этотъ гимназистъ Метлинъ вотъ уже въ продолженіи года регулярно каждую среду и пятницу приходитъ на вокзалъ и всегда прямо въ кіоску. Протеревъ запотѣвшее ринсе-pez и окинувъ взглядомъ книги на полкахъ шкафа онъ удивленно замѣчаетъ барышню:

— А-а-а! Здравствуйте! А я опять за книгами, видите-ли. Разрѣшите выбрать.

Голосъ у него низкій и всегда почти хриплый, какъ будто простуженный.

— Пожалуйста. Вотъ здѣсь новыя...

И такъ каждую среду и пятницу. Иногда возьметъ книжку, иногда двѣ, а случается и ничего не выберетъ и купить только газету.

Прощался гимназистъ съ ней за руку, съ неизмѣннымъ:

— А теперь до-увиданья!..

Сначала Елена Михайловна его не замѣчала, но потомъ привыкла къ нему и ужъ съ какимъ-то смутнымъ нетерпѣніемъ дожидалась этихъ двухъ дней—среды и пятницы.

Высокій, сутулый, некрасивый и никогда не улыбавшійся гимназистъ постепенно завладѣлъ ея вниманіемъ и она уже прониклась къ нему своего рода уваженіемъ и даже, какъ будто, страхомъ.

— Сколько читаетъ и все ему мало!—нерѣдко думала она, подавая выбранныя имъ книги.

Сама читать она начала благодаря этому гимназисту. Какъ-то осенью она сидѣла за прилавкомъ и безцѣльно слѣдила за обычной сутолокой у стола. Вдругъ передъ ней какъ изъ подъ земли, появился гимназистъ Метлинъ. Удивившись по обыкновенію ея присутствію за прилавкомъ, онъ началъ выбирать книги.

Это было одно изъ первыхъ его посѣщеній.

Порывшись въ книгахъ онъ нерѣшительно кашлянулъ и хрипло сказалъ:

— Я вамъ завидую. Кругомъ васъ такое богатство. Вы читаете?

— Нѣтъ... То есть, да... только мало...

— А напрасно. Здѣсь очень много интересной литературы.

И совсѣмъ неожиданно добавилъ:

— Васъ, кажется, зовутъ Еленой Михайловной?

— Да...—съ недоумѣніемъ и растерянно отвѣтила она.

— Такъ вотъ, Елена Михайловна, совѣтую вамъ не упускать удобнаго случая. Жалѣть не будете. А впрочемъ, какъ знаете. Заверните-ка мнѣ эту книжицу въ газетину, а то на улицѣ дождь—измочить чего добраго.

— Какой странный...—подумала Елена Михайловна, когда гимназистъ ушелъ.

Въ окна барабанилъ противно-однотонный осенній дождь и въ вокзалѣ было пустынно. Большинство пассажировъ сидѣло въ вагонахъ и не толкалось у буфета, а горожане не рѣшились идти по лужамъ и грязи на заманчивый въ другое время вокзалъ и остались дома, такъ что въ залѣ въ этотъ вечеръ было не больше пяти человѣкъ.

Окинувъ скучающимъ взглядомъ все окружающее, Елена Михайловна лѣниво взяла въ руки какую-то книгу.

— Не почитать-ли, вѣрно...—рѣшила она и разрѣзала первыя страницы.

Книжка оказалась сборникомъ небольшихъ рассказовъ, какого-то малоизвѣстнаго автора. Рассказы были довольно интересны и живы и Елена Михайловна увлеклась...

Когда за мокрыми, запотѣвшими окнами прогремѣлъ послѣдній уходившій поѣздъ и Васька началъ закрывать дверцы шкафа, она недовольно вспомнила, что пора идти домой и книжку придется дочитать только завтра.

Взять чужую книжку къ себѣ на домъ она не рѣшилась.

Такъ началась ея страсть къ чтенію.

II.

Когда-то, лѣтъ десять, пожалуй, тому назадъ, на Панской улицѣ жилъ въ своемъ домикѣ учитель женской гимназіи Зубковъ, Михаилъ Алексѣевичъ.

Домъ у него былъ небольшой и выкрашенъ въ дикій, чуть чуть зеленоватый цвѣтъ. Передъ тремя небольшими окошками былъ невысокій палисадникъ, а въ немъ четыре вѣтвистыхъ липы и, около самой стѣны дома, покосившаяся на бокъ скамейка.

Кто помнитъ это, тотъ помнитъ, вѣроятно и бойкую, жизнерадостную дѣвочку, съ утра до вечера копошившуюся подъ липами въ насыпанномъ кучкой пескѣ.

Это была дочка учителя—Леночка.

Леночкѣ было всего восемь лѣтъ, но она ужъ считала себя „большой“.

— Нѣтъ, я больше!—спорила она съ сыномъ квартиранта Колькой.

— Я весной въ гимназiи буду учиться!

— А вотъ и врешь!—хладнокровно возражалъ Колька.

— Нѣтъ, не вру! Папа сказалъ.

— Твой папа вреть...

— И мама тоже сказала.

— И мама вреть...

— Ма-а-ма!!—плаксиво звала свою мать Леночка.

— Ахъ, ты, Господи! Опять эти галчата дерутся! Ну, что вы тутъ?—приходила мать Леночки, худая, чахоточная женщина, съ блѣднымъ, безкровнымъ лицомъ.

— Мама, онъ говоритъ, что ты врешь и я не буду учиться...

— Будешь, будешь... Поди умойся только. Опять ты вся въ землѣ испачкалась,—утѣшала мать и снова уходила на кухню.

— Такъ вотъ-же тебѣ!

Колька однимъ пинкомъ разрушалъ построенную Леночкой какую-то пещерку изъ песка и, какъ котенокъ, вскарабкивался на рѣшетку палисадника. Полюбовавшись растерянностью Леночки, спрыгивалъ на тротуаръ и вихремъ летѣлъ по пустынной улицѣ. А Леночка начинала плакать и снова звала маму...

Дни бѣжали скоро и незамѣтно.

Весна смѣнялась жаркимъ лѣтомъ. Гремѣли грозы, сияли бездоннымъ небомъ солнечные дни, носились въ воздухѣ пушинки отъ липъ и одуванчиковъ... А потомъ

незамѣтно подкрадывалась одѣтая въ золотую и красную парчу задумчивая осень.

А тамъ зима и снова весна...

Леночка поступила въ гимназію и съ нетерпѣніемъ ждала осени, когда надо идти на, таинственный пока, молебень. Въ радостные дни Леночки, полные новаго и интереснаго, примѣшалось еще новое, еще интересное— гимназія. И радужныя мечты, о томъ, какъ она вмѣстѣ съ папой будетъ ходить въ гимназію омрачались только однимъ—мама была сильно больна. Слегла въ постель Великимъ постомъ, когда въ палисадникѣ лежалъ еще мокрый, противный снѣгъ, а по улицамъ катились говорливые ручейки и теперь была блѣдная, блѣдная и худая такая... И кашляла все время... Съ кровью.

А на улицѣ такъ хорошо! Солнышко, птички поютъ, черемухой пахнетъ да сиренью.

Хорошо, а не весело Леночкѣ. Чувствуетъ маленькое сердечко, что плохо мамѣ, что тяжелое и страшное что-то нависло надъ трехконнымъ домомъ...

И тяжелое обрушилось...

Леночка сидѣла по обыкновенію на скамеечкѣ въ палисадникѣ и слѣдила, какъ кружилась надъ желтымъ одуванчикомъ золотая пчелка.

Вдругъ, стукнувъ дверцей, въ палисадникъ вбѣжалъ Колька.

Чумазый, заплаканный и раскраснѣвшійся подбѣжалъ онъ къ Леночкѣ, зачѣмъ-то поцѣловалъ и всхлипнулъ:

— Ле-леночка... Ты... ты... не плачь... мама твоя...

Вздригнуло Леночкино сердечко, точно иголкой укололи его, а не поняла глупая головка, что случилось всетаки.

— Что тебѣ?... Ты что...

Задрожали подъ длинными, какъ паучыя лапки, рѣсницами свѣтлыя слезинки и покатались по хорошень-

кому носику внизъ. Выдернула руку изъ Колькиной руки и побѣжала домой.

Отъ липъ за окномъ, да оттого, что сидѣла она на яркомъ солнышкѣ, темно показалось Леночкѣ въ маленькой комнатѣ.

Знакомая комната, знакомая картина, а что-то непоправимое и ужасное чувствовалось въ ней.

У постели, гдѣ лежала мать, сидѣлъ отецъ и, склонивъ свою голову на край кровати, какъ будто, спалъ.

По крайней мѣрѣ не слышалъ, какъ подошла Леночка и дотронулась до его рукава.

Подождавъ немного, Леночка дернула его еще разъ.

— Папа!—съ отчаяніемъ и страхомъ окрикнула она отца.

Не поднимая головы онъ притянулъ ее рукой къ себѣ и прижалъ крѣпко, крѣпко.

Наконецъ выпрямился, взглянулъ въ ея сѣрыя умныя глазки и заплакалъ.

— Одни мы съ тобой, дѣтка, одни остались...

Дѣвочка недоумѣваяще глядѣла то на отца, то на мать, у которой на щекахъ догоралъ послѣдній больной и блѣдный румянецъ и постепенно желтѣли длинные тонкіе пальцы исхудалыхъ рукъ.

— Умерла наша мама, умерла, моя милая, дѣвочка...

— Па-а-па!! Она проснется!.. Па-па! да не надо-же!

Леночка заплакала, потомъ безудержно засмѣялась, точно закудаhtала и грохнулась на коврикъ у маминой кровати.

Кто-то давалъ ей воды, кто-то укрывалъ ее, дрожавшую, какъ въ лихорадкѣ, теплымъ одѣяльцемъ.

Кто—она не помнила.

Кажется Колькина мама. И Колька тутъ-же сидѣлъ на стулѣ и теръ заплаканные глаза грязными кулаками...

Настала дождливая поздняя осень. Въ низкихъ

комнатахъ давно ужъ не пахнетъ ладаномъ и восковыми свѣчами, давно снята и простыня съ большого зеркала.

Весеннее горе затуманилось и ушло далеко назадъ.

Сначала Леночка плакала и скучала по мамѣ, а потомъ привыкла и только, глядя на папу, который похудѣлъ и тоже сталъ кашлять, стала задумчивой и скучной.

Каждое утро теперь она ходила вмѣстѣ съ отцомъ въ гимназію.

Казавшаяся ей раньше заманчивой и интересной, гимназія вскорѣ наскучила и она ходила только потому, что нужно было ходить.

Подруги были неинтересны и скучны, хотя во время переѣвъ въ корридорѣ отъ ихъ веселыхъ голосовъ и смѣха стоялъ гамъ и шумъ. Играла съ ними она рѣдко и неохотно, такъ что вскорѣ онѣ стали избѣгать ее...

Дома ей казалось лучше.

Тутъ она могла спокойно сидѣть у окна и, глядя, какъ по стекламъ ползутъ тягучія капли дождя, думать, что дѣлаетъ теперь мама въ раю.

Что мама въ раю, объ этомъ ей сказала Колькина мать, которая, къ сожалѣнію уѣхала вмѣстѣ съ Колькой и квартирантомъ Васи́лемъ Кузьмичемъ на другую квартиру, потому что въ ихъ домѣ сыро.

Во всей квартирѣ жили теперь только она, отецъ да злая, некрасивая тетка, пріѣхавшая къ нимъ вскорѣ послѣ смерти матери.

Тетки Леночка боялась больше всего.

При отцѣ эта тетка называла Леночку сизокрылымъ ангеломъ и миленькой дѣвочкой, а безъ отца дурой и гадкой дѣченкой и раза два даже ударила. Первый разъ за то что Леночка сказала, что раньше, когда была жива мама и не было тетки жилось лучше, а второй разъ, за то, что назвала тетку злой.

Папѣ она объ этомъ не говорила потому, что тетка

не велѣла и грозила побить еще разъ, если скажетъ. Да и папа сталъ рѣдко бывать дома и приходилъ только поздно по ночамъ. Гдѣ онъ пропадалъ. Леночка не знала...

Время торопилось и изъ Леночки—приготовишки незамѣтно выросла Лена—пятиклассница.

Училась она хорошо, хоть занималась дома очень не много.

До окончанія пятого класса оставалось всего три или четыре мѣсяца и Леночка мечтала уже о курсахъ, какъ неожиданно надъ трехконнымъ домомъ разразилась новая гроза и разбила зародившіяся мечты.

Истаявшій, какъ вешній синій снѣгъ, послѣ смерти жены, отецъ Леночки вдругъ почувствовалъ себя очень плохо и слегъ въ постель.

Болѣзнь оказалась такой-же, какъ и у покойной жены—скоротечная чахотка.

Съ ужасомъ и отчаяніемъ думала Лена бессонными ночами о томъ, какъ тяжело достанется ей, когда она останется жить съ одной ненавистой теткой.

Часто въ потемкахъ ночи или при слабомъ мерцаніи лампы она плакала и молила Бога, чтобы Онъ вступился за нее и послалъ хоть-бы смерть.

Но до смерти было далеко. Было всего только шестнадцать лѣтъ и молодое тѣло настойчиво требовало жить и жить...

Да оно и жило.

Изъ неуклюжаго подростка медленно и опредѣленно формировалась стройная, изящная дѣвушка, правда хрупкая и не пылающая, какъ жаръ, здоровьемъ, но всетаки бодрая и живая.

А отцу становилось все хуже и хуже. Все чаще шла изъ горла кровь и все чаще призывалъ онъ дочь, чтобы проститься и, наконецъ призвалъ въ послѣдній разъ.

Запыхавшаяся, испуганная прибѣжала Лена изъ кухни на хриплый, предсмертный зовъ отца и сейчасъ же опустилась на колѣни передъ кроватью.

— Лена, я умираю... Теперь ужъ безповоротно... Смотри-же, милая... живи хорошо... и не забывай насъ съ матерью... Я много страдалъ въ жизни, много обидъ проглотилъ, но ни разу никого не тронулъ самъ. Лучше пусть тебя обидятъ, чѣмъ ты кого нибудь... Послѣ спокойнѣе будетъ... Помни это... Встрѣтишь хорошаго чело-вѣка, иди и не бойся... Завѣщаніе взяла тетка...

Шепотомъ договорилъ послѣднія слова и уснулъ ровнымъ спокойнымъ сномъ. Вечеромъ онъ не просыпаясь умеръ...

Для Лены настали тяжелые дни.

Старая и жадная тетка, узнавъ, что покойникъ не оставилъ почти никакихъ средствъ, а жилъ послѣдній годъ только пятидесятирублевой пенсіей, точно съ ума сошла и вымѣщала злобу на бѣдной дѣвушкѣ.

— Ага! Пожили вы съ отцемъ-то въ свое удо-вольствіе!—шипѣла тетка.

— Шляпки, платья, ученье глупое!.. Вотъ теперь и отдувайся! Ходи безъ башмаковъ, да перебивайся съ хлѣба на воду! У-у-у! шеромыжники!!

— Не понимаю, тетя, чего вы горячитесь. Вѣдь вчера я вамъ дала пятьдесятъ рублей. Изъ гимназіи при-несла...

— Тьфу! твои пятьдесятъ рублей!! Вотъ что! Что на нихъ дѣлать-то?! Молебень чорту отслужить!!!

— На башмаки-то да на хлѣбъ я думаю хватить. Какъ-же папа жилъ?

— Па-па жилъ!..—передразнивала тетка.

— На мои, на кровныя жилъ! Вотъ на что жилъ твой папа. И сейчасъ еще семьсотъ долженъ! Да нѣтъ, голубушка, я съ тобой лизаться не буду!.. Я не погляжу, что ты сирота казанская!..

ОТДЕЛЪ КРАЕВОЙ

— Да чего-же вы хотите?—съ нетерпѣніемъ и готовая расплакаться, спрашивала Лена.

— Деньги мои отдай! Вотъ чего я хочу! А тамъ хоть пропадомъ пропади, ничего не скажу!

— Боже мой, Боже мой! Что-же мнѣ дѣлать?!—плакала Лена.

— Домъ продай, пока покупаютъ! Сгниетъ, никто не купитъ и денегъ не будетъ. Дура ты ученая!.. Пра, дура!

— Да не могу я.. Поймите, не могу!..

— Ну, такъ и сиди босая! А пятьдесятъ-то рублей нако-ся, выкуси!—кричала тетка.

— Ма-ма! Милая мама!—глядя на большой карандашный портретъ матери и ломая руки, плакала Лена.

— Вотъ тебѣ и мама!—не унималась тетка.

— И я дура связалась съ вами окаянными... Пожалѣла на свою сѣдую голову! Измучали, всю душеньку вымотали изъ меня...

И такъ каждый день...

Утромъ гимназія, днемъ брань и попреки тетки, а ночью слезы и безсильная досада.

Какъ и къмъ, Лена ужъ не знала, а только домъ былъ проданъ на сломъ и скоро тамъ застучали топоры и завизжала пронзительная пила. Трехоконный домикъ кончилъ свое существованіе и уступилъ мѣсто красивому особняку какого-то адвоката.

Тетка вскорѣ послѣ продажи дома скрылась изъ города и Лена жила уже на квартирѣ у начальника станціи—Невѣрова, который и сталъ ея опекуномъ.

Помѣстили ее сначала въ одной комнатѣ съ дочерью Невѣрова, Софіей, подругой Лены по классу, но потомъ дали отдѣльную комнату и она зажила совершенно одна.

Какъ-то вечеромъ Невѣровъ зашелъ въ ея комнату и, кашлянувъ, сказалъ:

— Видите-ли, Елена Михайловна... Такъ, кажется?

— Да-а...

— Видите-ли, Елена Михайловна... Послѣ нѣкоторыхъ треній, мнѣ удалось уломать нашихъ желѣзнодорожниковъ открыть на вокзалѣ книжный и газетный кіоскъ.

Лена слушала и растерянно перебирала похолодѣвшими пальчиками край черного форменнаго фартука.

— Да. Такъ вотъ въ этотъ самый кіоскъ понадобится продавщица и я рѣшилъ обратиться прямо къ вамъ. Вы учиться больше вѣроятно не будете?

— Н-не знаю...

— Вѣдь средствъ у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ...

— Вотъ, видите-ли... А тутъ вамъ заработокъ. На первое время конечно рублей пятьдесятъ, а тамъ видно будетъ. Ну, вы согласны?

— Да, Сергѣй Петровичъ...

— И отлично! Что касается квартиры, то вы такъ и будете у меня. Здѣсь и до вокзала близко и вамъ удобнѣе...

Черезъ недѣлю Лена служила уже на вокзалѣ и называлась Еленой Михайловной.

Гдѣ-то на Западѣ огненнымъ вихремъ кружилась ужасная война, съ адскимъ грохотомъ рвались снаряды, потоками лилась человѣческая кровь, а газеты приносили объ этомъ черныя, зловѣщія вѣсти и многовенно расхватывались жителями попрежнему спокойныхъ городовъ.

Торговля пошла бойко и скоро кіоскъ сталъ приносить хорошій доходъ.

III.

Бываютъ иногда такіе дни, что время тянется, какъ патока, медленно, медленно... И часовъ столько-же, и

обстановка та же и день обычный, а длиннее и все тут! Солнце, пройдя ужь больше полдороги къ западу, останавливается и раздумывает, не вернуться ли обратно. Часы тикаютъ, но стрѣлки почти не двигаются впередъ и стоятъ, какъ будто, на одномъ мѣстѣ.

Именно такой день бывалъ у Елены Михайловны 23-го апрѣля.

Каждый годъ въ этотъ день она ходила на именины телеграфиста Изюмова.

Пошла она и въ этомъ году.

Проснулась по обыкновенію рано и сейчасъ же вспомнила, что вечеромъ надо идти въ гости.

— И зачѣмъ я только согласилась? — подумала она, но мысль неожиданно перемѣнила направленіе и побрела куда-то въ сторону. Елена Михайловна, во что бы то ни стало, захотѣла представить себѣ, о чемъ она будетъ говорить сегодня вечеромъ съ Метлинымъ, который тоже приглашенъ и, вѣроятно, будетъ. Но всѣ попытки успѣхомъ не увѣнчались. Она не могла вообразить и трехъ связанныхъ между собою фразъ этого мрачнаго и неразговорчиваго гимназиста.

— Чтонибудь о книгахъ, — рѣшила она и начала одѣваться.

За стѣной глухо пробили стѣнные часы.

Семь часовъ утра. А идти нужно не раньше восьми вечера! Въ ея распоряженіи цѣлыхъ тринадцать часовъ! Какъ много! Чѣмъ только ихъ заполнить?

Въ другіе дни Елена Михайловна надъ этимъ не задумывалась. Время проходило незамѣтно и всегда, какъ-то, не касаясь ея. Чѣмъ заполнялись эти часы, она хорошо не помнила. Помнила только одно, что послѣ утренняго чая, обѣда и вечерняго чая она едва успѣвала къ девятичасовому московскому поѣзду. Времени, слѣдовательно, даже не хватало. А вотъ сегодня...

Причиной служить, конечно, то, что вечеромъ она

будетъ въ гостяхъ, увидитъ знакомыхъ людей въ простой домашней обстановкѣ и будетъ съ ними разговаривать не какъ продавщица книгъ, а какъ человекъ.

Въ гостяхъ она бываетъ рѣдко—не больше трехъ разъ въ годъ и не мудрено поэтому, что эти дни бываютъ событіемъ въ ея жизни, скучной и сѣрой, какъ пыль.

Послѣ чая Елена Михайловна зашла къ Софіи и взяла какую-то книгу, въ голубомъ красивомъ переплетѣ. Нѣсколько разъ пыталась начать чтеніе, но не успѣвала прочесть и страницы, какъ мысли улетали за вокзалъ, къ домику Изюмова.

Собственно самъ Изюмовъ, его жена и дочь для Елены Михайловны не интересны, и если она ходитъ туда, то исключительно потому, что тамъ можно встрѣтиться со всѣми, кто нуженъ или интересенъ, какъ, напримеръ, сегодня, съ Метлинымъ или съ Ногтевымъ.

Ногтевъ, молодой, типичнѣйшій представитель своей профессіи, телеграфистъ, съ неизмѣннымъ безукоризненнымъ проборомъ и въ вѣчно-бѣломъ крахмальномъ воротничкѣ привлекъ вниманіе Елены Михайловны сравнительно недавно. Одно время она даже питала къ нему что-то вродѣ любви. Была-ли эта дѣйствительно любовь, она не знала, да и не пыталась узнать. Ей хотѣлось съ нимъ только поговорить и побыть вмѣстѣ, но это до сихъ поръ не удавалось. Видѣлись они только на вокзалѣ и то мелькомъ, когда онъ приходилъ вечеромъ на дежурство, а она собиралась домой.

Какъ и въ прошломъ году, день былъ солнечный и по весеннему теплый. Въ открытыя окна пахло сырой землей и чуть-чуть молодой, только что показавшейся травой. Неугомонно чирикали и возились въ палисадникѣ воробьи. На дворѣ нехотя тявкала собака и мычала, дожидаясь перваго выгона, корова.

День тянулся убійственно долго и маятникъ въ

сосѣдной комнатѣ, какъ будто, потерялъ связь съ остальнымъ механизмомъ часовъ и болтался такъ, напрасно. По крайней мѣрѣ стрѣлки, казалось, не двигались и стояли на мѣстѣ.

Яркіе солнечные прямоугольники на полу медленно взбирались на стѣну и еще медленнѣе ползли къ окнамъ, чтобы вечеромъ скрыться, наконецъ, гдѣ-то за рамами.

Наконецъ потухли. Закраснѣлись тополи передъ окнами и скоро также померкли...

Осмотрѣвъ себя послѣдній разъ въ зеркало, Елена Михайловна вышла на улицу. Пошла медленно, точно желая оттянуть моментъ встрѣчи съ Изюмовымъ и его гостями, но постепенно ускорила шагъ и скоро очутилась на послѣдней предвокзальной улицѣ.

Неожиданно ее нагналъ Метлинъ.

— А-а! Это вы. Здравствуйте!—обратился онъ къ ней, вздрогнувшей отъ неожиданности.

— Вы что? Тоже къ Изюмову?—продолжалъ онъ, снимая ринсе-пез и протирая стекла носовымъ платкомъ.

— Пыль, знаете...—объяснилъ онъ.

— Да. Къ Изюмову.

— По пути, слѣдовательно.

— Да...

„Что-бы ему сказать еще?“, подумала Елена Михайловна, но ничего не сказала. Также не могъ найти темы для разговора и Метлинъ. Оба шли молча и глядя въ стороны.

— А, знаете, вы мнѣ хорошую книжицу прошлый разъ уступили. Великолѣпная критика футуризма... Жаль только, что второй части нѣтъ.

— Почему-же вы ее не взяли?

— Денегъ не было, Елена Михайловна.

— Какая ерунда! Я бы въ долгъ могла повѣрить.

— Я и такъ ужъ, кажется, набралъ у васъ въ долгъ порядочно. Какъ расплачиваться только буду.

— Ну, пустяки...

И снова молчаніе. Слава Богу, что домъ Изюмова показался! Наконецъ-то пришли!

Встрѣтилъ ихъ самъ Изюмовъ. Повидимому онъ успѣлъ ужъ немного выпить и потому былъ въ жизне-радостномъ настроеніи.

— Здравствуйте—пожалуйста! Что-же это вы, бѣлоснѣжные, старика заставили ждать... Нехорошо-сь! А-ахъ, какъ плохо! Давно-бы, давно пора!.. Жена!—позвать Изюмовъ.—Иди встрѣчай самыхъ дорогихъ гостей!

Гости были повидимому всѣ въ сборѣ. На вѣшалкахъ висѣло много мужской и женской одежды, форменныя фуражки, трости и двѣ штатскихъ шляпы.

Поздоровавшись и поздравивъ хозяевъ, Елена Михайловна незамѣтно передала хозяйкѣ коробку конфетъ и вслѣдъ за Метлинымъ вошла въ низкую, небольшую столовую. Тамъ сидѣло человѣкъ десять гостей мужчинъ и женщинъ.

Столъ былъ уставленъ съ необычной для Изюмова роскошью. Были и колбаса, и сыръ, и масло, и ветчина, и шпроты и большой имянинный пирогъ. Все, какъ слѣдуетъ. Были и вина. Правда, недорогія, но и онѣ по военному времени были рѣдкостью. По ихъ присутствію можно было заключить, что хозяинъ большой любитель выпить и вполнѣ опытный человѣкъ по части нахождения подобныхъ напитковъ.

— А, ну-ка, господа, за новоприбывшихъ!—предложилъ Изюмовъ.

Какъ не отнѣкивалась Елена Михайловна, но и она должна была выпить рюмку портвейна. Въ головѣ сейчасъ-же зашумѣло, а въ груди стало такъ тепло и хорошо. Послѣ второй и послѣдней рюмки легкой туманъ передъ глазами исчезъ и въ комнатѣ стало свѣтлѣе и, какъ будто, просторнѣе. Когда вставали изъ-за стола, Елена Михайловна чувствовала въ тѣлѣ необычную

упругость, а въ движеніяхъ плавность и нѣкоторую силу.

Тотчасъ-же послѣ ужина многіе изъ гостей и самъ Изюмовъ сѣли за карты.

Захмѣлѣвшій Метлинь играть отказался и подойдя къ Еленѣ Михайловнѣ предложилъ уйти въ другую комнату.

Усѣвшись рядомъ на старомъ клеенчатомъ диванѣ, они начали смотрѣть черезъ открытую дверь на сидящихъ около карточного стола. Играли Изюмовъ, Ногтевъ, завѣдующій желѣзно-дорожнымъ складомъ, буфетчикъ, жена завѣдующаго и еще кто-то. Остальные сидѣли попарно и о чемъ-то разговаривали. Дочь Изюмова была съ молодымъ прапорщикомъ, сыномъ буфетчика и часто звонко смѣялась.

— Такъ вотъ, Елена Михайловна—началь Метлинь, нервно протирая платкомъ *pinse-nez*.—О чемъ-бы намъ поговорить?

Послѣ десятка выпитыхъ рюмокъ Метлинь былъ оживленъ и, видимо, хотѣлъ говорить.

— Вы давно служите на вокзалѣ?—спросилъ онъ.

— Три года уже...

— Такъ... И все такъ-же сидите каждый вечеръ около книгъ, дожидаясь послѣдняго поѣзда?..

— Да... То есть, нѣтъ... Теперь я много читаю. Помните, послѣ вашихъ словъ начала? Съ тѣхъ поръ.

— Ну, а дома? Правда, это не секретъ?

— Нѣтъ, отчего-же... Дома... Какъ вамъ сказать?— Елена Михайловна засмѣялась и смолкла.

— Н-нда... Видите-ли, Елена Михайловна, мнѣ кажется, что вы не живете, а... ну, мимо жизни что-ли идете... Ей-Богу!

— То есть, какъ мимо жизни?

— Да такъ... Скажите откровенно, желали вы хоть

разъ въ жизни чегонибудь сильно и горячо? Мнѣ почему-то кажется, что нѣтъ. Вы не сердитесь?

— Нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста...

— Видите-ли, мнѣ кажется, что вы покорно ждете, что дасть вамъ жизнь, а ни разу не пытались устроить ее сами... Ну, зачѣмъ, напримѣръ, вы бросили гимназію?

— А средства?

— Простите, но это по моему просто отговорка. Средства! Да какъ-же я учусь? Другіе? Тоже нѣтъ средствъ, а учатся. Вы не только плететесь за жизнью, а прямо-таки мимо стараетесь пройти! Вѣдь вамъ можно было и за ученіе не платить—вы дочь учителя.

— Извините, я васъ перебую. Откуда вы это знаете?

— Вотъ видите! Знакомы мы полтора года и вы не могли даже узнать, кто я! Васъ даже не интересуешь, кто васъ окружаетъ, кто живетъ съ вами. Вы въ сторонѣ. Утромъ книги, днемъ книги, вечеромъ вокзалъ и снова книги! и больше ничего!! А что дѣлается кругомъ вы не знаете. Не знаете есть-ли жизнь лучше или хуже, а такъ, день за днемъ, колесомъ, колесомъ...

Елена Михайловна вздохнула и низко опустила голову.

— Вы не обижаетесь, что я такъ яростно говорю съ вами?—спросилъ послѣ минутнаго молчанія Метлинъ и, спохватившись, добавилъ:

— Да, простите! Вы спросили, откуда я знаю васъ? Неужели вы не могли вспомнить? Я вашъ бывший квартирантъ.

Елена Михайловна недоумѣвающе посмотрѣла на Метлина.

— Колька... Помните, еще такъ часто обижалъ васъ.

— Боже мой! Такъ это вы! Вотъ встрѣча!..

— Что-же тутъ особеннаго. Живемъ въ одномъ городѣ и нѣтъ ничего удивительнаго, что встрѣтились.

Елена Михайловна страшно обрадовалась и сразу точно ожила.

— Ахъ, Николай Васильевичъ! Вы все говорите, мимо жизни... Но войдите въ мое положеніе. Съ девяти лѣтъ несчастье за несчастьемъ, ударъ за ударомъ. А потомъ, вы знаете, жизнь съ теткой...

— Слыхалъ какъ-то и возмущался. Не теткой, а вами. Неужели вы не могли оказать даже малѣйшаго сопротивленія? Или можетъ быть вы не пытались даже?

— Нѣтъ... Да и какъ? Мнѣ было только шестнадцать лѣтъ.

— Шестнадцать лѣтъ! Да знаете, въ такія лѣта люди живутъ ужъ самостоятельно! Нѣтъ, Елена Михайловна, мямля вы, простите за рѣзкость. Я увѣренъ, что не отдай я вамъ долга, вы и не спросите его. Заплатите свои деньги и ни слова. Сознайтесь.

— Да,—тихо согласилась Елена Михайловна.

— „Да“!! Руками и зубами нужно защищаться, а вы да! Э-эхъ, вы... Да мало того, самому нужно нападать, самому заявлять „я хочу“! А есть-ли у васъ хоть маленькое „я хочу“? Нѣтъ! Вы ничего не хотите. Вы ни разу, навѣрное, не подумали, что станете дѣлать и куда уйдете если, положимъ, закроютъ кіоскъ, ни разу не мечтали уйти отъ него, а сидите и сидите.

Метлинъ хмѣлѣлъ замѣтно все больше. Рѣчь становилась бурной и страстной. Куда только дѣвалась его неразговорчивость!

Временами онъ казался Еленѣ Михайловнѣ искреннимъ, а временами, почему-то, просто фразеромъ. Ей не вѣрилось, что онъ, зеленый юноша, могъ такъ воспитать самого себя и говорить такія вещи.

— А вы сами-то имѣете свою „хочу“?—недовѣрчиво спросила она.

Вопросъ засталъ Метлина, какъ будто, врасплохъ

— Я?

— Да, вы?

— Конечно. Когда умиралъ мой отецъ, онъ сказалъ: учиться ты, Николай, не будешь. А я сказалъ: буду! И вотъ видите, учился. Черезъ мѣсяць кончу гимназію, а тамъ въ Москву, къ яркому свѣту, къ наукѣ, музеямъ и, чортъ возьми! къ новому труду!! И мать содержать буду и учиться.

Метлинъ нервно засмѣялся и замолчалъ. Поглядѣлъ на игравшихъ въ карты и добавилъ:

— Знаете... Бросьте вы этотъ несчастный кіоскъ. Ей-Богу! Пожили и будетъ. Попытайте счастья въ другомъ мѣстѣ. Я не знаю, какъ вы можете киснуть на одномъ мѣстѣ. Неужели васъ ничто не интересуеть?

— Нѣтъ.

— Гм!..—Метлинъ замолчалъ и снова сталъ мрачнымъ. Хмѣль, достигшій предѣльной высоты, начиналъ вывѣтриваться.

— А я думаю, гдѣ Елена Михайловна да Николай Васильевичъ, а они вонъ гдѣ! Идемте пить чай!—вошла въ комнату хозяйка.

Оба встали и пошли въ столовую.

Послѣ чая Метлинъ и Ногтевъ помѣнялись мѣстами. Метлинъ сѣлъ за карты, а Ногтевъ началъ бесѣдовать съ Еленой Михайловной.

Монотонная и витіеватая рѣчь телеграфиста вскорѣ наскучила и Елена Михайловна разсѣянно глядѣла на Метлина. Послѣдній, видимо, сильно увлекся игрой. Онъ все время проигрывалъ и на его лицѣ ясно была видна борьба двухъ чувствъ: играть или нѣтъ?

Снявъ остатки своего растаявшаго банка, онъ всталъ и пошелъ къ закусочному столу выпить рюмку водки.

— Николай Васильевичъ!—позвала его Елена Михайловна.

Метлинъ подошелъ.

— Ну, что какъ?—спросила она.

— Проигрываю.

— А вы бросьте.

— Послѣдній банкъ и кончу.

Но банкъ прошелъ, а Метлинъ все продолжалъ сидѣть. Елена Михайловна пристально смотрѣла на его лицо и, когда ихъ глаза встрѣтились, онъ отвернулся и покраснѣлъ.

— Послушайте...—подошла она къ его стулу—Вы не забыли свое „я хочу“?

— Не могу...

— Что такое, господа! Чего вы хотите, Елена Михайловна?—вмѣшался Изюмовъ.

— Это я такъ, Георгій Васильевичъ, вмѣстѣ домой идти предлагаю. Ужъ два часа ночи. Пора.

— Что вы, что вы!—испугался Изюмовъ, но гости услыхавъ о позднемъ времени одинъ за другимъ прощались и выходили въ прихожую. Въ комнатѣ остались только хозяйева, завѣдующій съ женой да буфетчикъ. Они рѣшили играть до утра и устроить „разгонную“ не раньше восхода солнца.

Метлинъ пошелъ съ Еленой Михайловной. На улицѣ было довольно темно и они шли подъ руку, но почти всю дорогу молчали. Только прощаясь около дома, гдѣ жила Елена Михайловна Метлинъ тихо сказалъ:

— Простите... не могъ...

— Досвиданья.

И снова замелькали дни. Одинъ какъ другой, другой какъ третій... Скучные, сѣрые и незамѣтные. Порой казалось, что со дня именинъ Изюмова прошла вѣчность, порой не больше недѣли.

Въ концѣ лѣта Метлинъ уѣхалъ въ Москву и Елена Михайловна лишилась своего послѣдняго знакомства изъ внѣшняго не вокзальнаго міра. Попрежнему она

каждый вечеръ приходитъ на вокзалъ и терпѣливо ждетъ послѣдняго поѣзда.

Приходитъ, садится за низкій прилавокъ и сосредоточенно читаетъ какую нибудь книгу, а Васька попрежнему пользуется удобнымъ случаемъ и беретъ лишнюю газету.

Газетъ послѣ революціи пошло больше и Васька богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Особенно охотно онъ торгуетъ „буржуйскими“. Имъ жители убогаго городка вѣрятъ больше и съ удовольствіемъ переплачиваютъ лишній пятакъ.

Ив.-Вознесенскъ.

19¹⁷/_V18

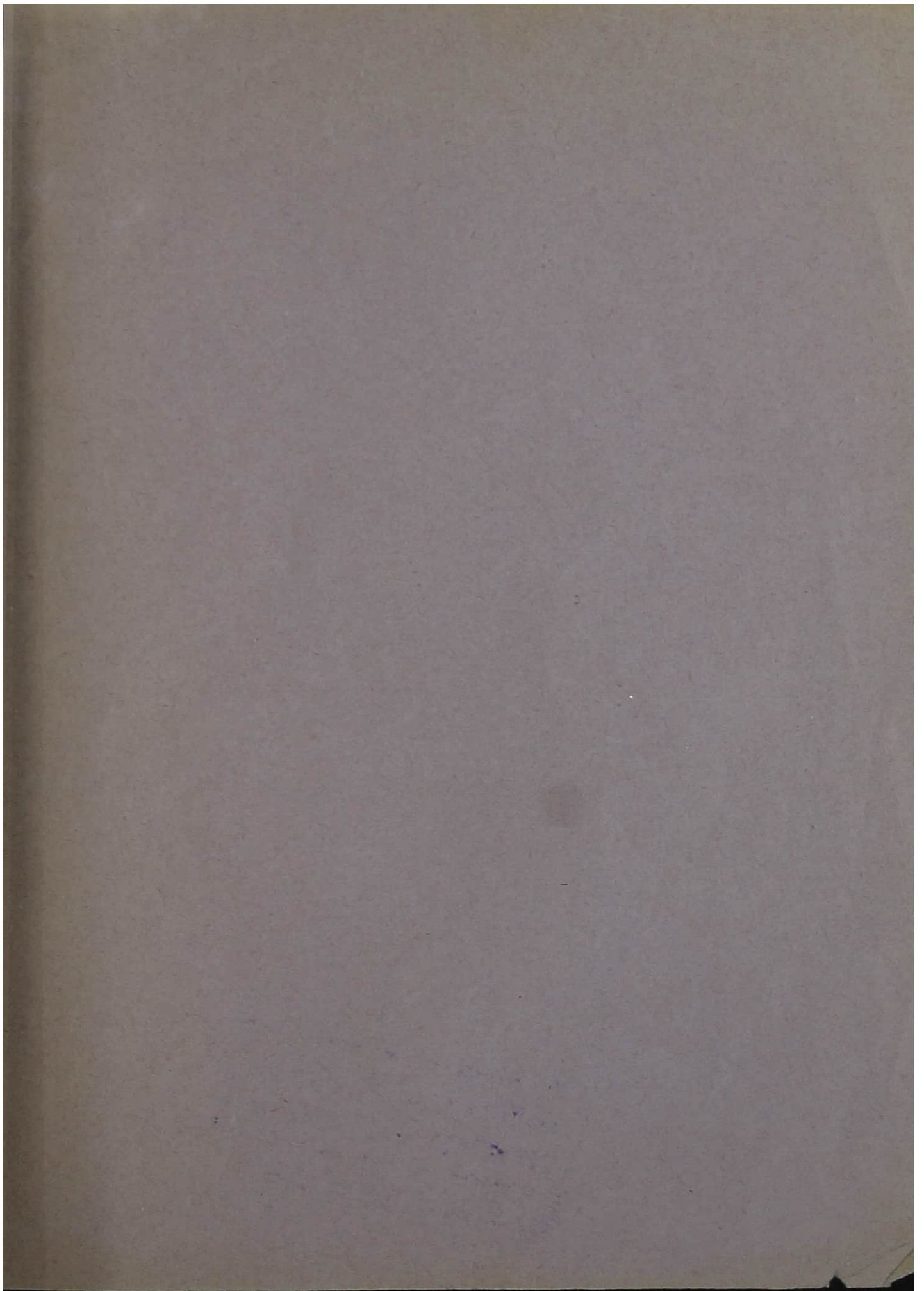
Николаевская Усп. Научн. Библ.

Отдел Краевой

RECEIVED
FEBRUARY 1944
LIBRARY OF CONGRESS

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОТДЕЛ КРАЕВОЙ

ЦѢНА 70 КОП.

Складъ изданія

главный складъ изданія: Иваново-Вознесенскъ, Напалковская улица, д. Бурьилина. Контора и редакція журнала „Пересмѣшникъ“.

Иногороднихъ заказчиковъ просимъ адресовать: Ив.-Вознесенскъ, Воробьевская ул., домъ Голубева, Н. С. Софронову.

